

Флоренский П. А. Общечеловеческие корни идеализма: [Пробная лекция] // Богословский вестник 1909. Т. 1. № 2. С. 284–297 (2-я пагин.).

Общечеловѣческіе корни идеализма¹⁾.

Ваше Преосвященство и Глубоко-чтимое Собрание!

Если Слово Божіе есть живая душа и смыслъ существованія нашей Школы, то слово человѣческое—тѣло ея и условіе жизни. Поэтому, надѣюсь, Вы не посѣтуете на менѧ, если я, обратившись къ стародавней старинѣ, постараюсь начертать родословную линію нашей Школы, по ея человѣческому содержанію. Вѣдь, какъ для наставниковъ Академіи, такъ и для воспитанниковъ ея христіанство не только не отмѣнило, но и усилило, безконечно углубило заповѣдь о почитаніи родителей. Вспомнить языческихъ своихъ предковъ—это значитъ исполнить христіанскій долгъ въ отношеніи къ нимъ. Начнемъ же съ того, кто является истиннымъ основателемъ Академіи, вдохновителемъ ея и, если примѣнить современное слово,—первымъ ректоромъ ея. Это—тотъ, кого равнѣ чтили и христіане и язычники. Древніе апологеты называли его „христіаниномъ до Христа“, думали, что его коснулась благодать Бога-Слова, и видѣли въ немъ самомъ какого-то пророка, *in partibus infidelium*, а въ твореніяхъ его—предвѣдѣніе и сѣнь грядущаго. Въ то же время, современные имъ неоплатоники именовали этого мужа не иначе, какъ „священнѣйшимъ“, „божественнымъ“ или „бого-вдохновеннымъ“; творенія же его были для нихъ своего рода священнымъ, каноническимъ Писаніемъ.

Вы поняли, конечно, что рѣчь идетъ о Платонѣ. Онъ,—да!—онъ далъ имя нашей школѣ. Неужели она называется именно Академіей, а не Лицеемъ или Стоей или Уни-

¹⁾ Пробная лекція *pro venia legendi*, читанная въ Московской Духовной Академіи 17-го сентября 1908 года.

верситетомъ безъ причины?—Конечно нѣтъ. Вы знаете о несомнѣнной преемственности нашей духовной культуры отъ Платона. Своимъ именемъ мы признаемъ себя потомками и той, Аѳинской Академіи. Разумѣется, въ этомъ признаніи нѣтъ ничего унизительного для христіанства. Развѣ христіане не бывали рождены языческими родителями. Такъ и мы—сыны древняго Пророка Аттики.

Вотъ онъ, съ преклоненной задумчивою головою! Чѣ—онъ: прислушивается ли къ горнимъ пѣснямъ иного міра? или, быть можетъ, какъ разъ въ этотъ моментъ его пріосъняетъ невидимое благословеніе Грядущаго Слова? Кто знаетъ. Но какъ послѣ бюста Платона и глаза не глядятъ на бюсты иныхъ мыслителей, такъ послѣ твореній его кажутся сѣрыми, грубыми и земными писанія ихъ. Какие маленькие они въ сравненіи съ этимъ провидцемъ-философомъ, безупречнымъ общественнымъ дѣятелемъ, чуткимъ воспитателемъ, вдохновеннымъ поэтомъ! Какою непонятною силою закляль онъ слова своихъ писаній, что, по исходѣ тысячелѣтій, они все еще волнуютъ сердца страннымъ волненiemъ и жгутъ ихъ сладкою болью, и томятъ, и влекутъ въ еле-зримую, брежжущую въ холодныхъ пред-утреннихъ туманахъ даль? Чѣмъ-то мистеріальнымъ благоухаютъ его священные рѣчи, исполненные божественной маніи. Такъ пахнетъ осѣвшимъ на стѣнѣ єниміамъ въ давно не отворявшихся храмахъ. И какими глубокими очами смотрять на читателя его странные миоы. Кто знаетъ, какой тайный смыслъ скрывается за ними? Вѣдь эсoterизмъ платоновой Школы такъ вѣроятенъ. Творенія философовъ значительно позднѣйшихъ давно ужъ пожелтели и высохли. Спалъ ихъ нарядный уборъ, и стоять предъ сознаніемъ оголенные ихъ схемы, какъ мерзлая деревя зимою. Но живы и будутъ жить эти притрепетные Диалоги Платона. И нѣтъ такого человѣка, который, хотя бы одно время жизни своей, не былъ платоникомъ. Кто, вѣдь, не испытывалъ, какъ ростуть крылья души? Кто не знаетъ, какъ подымается она къ непосредственному созерцанію того, что отъ будничной суетолоки задернуто сѣрымъ покровомъ облакъ? Кто съ помощью эроса не проникалъ въ недовѣдомыя разсудку глубины познанія? Кому не открывалась иная, лучезарная дѣйствительность, гдѣ, лицомъ къ лицу, вдохновенный встрѣчаетъ вѣчные прообразы вещей? Кто не пере-

живаль, какъ рушится и падаетъ непроходимая стѣна между субъектомъ и объектомъ,—какъ Я выходить за предѣлы своего эгзистенциального обособленія, какъ открытою, широкою грудью вдыхаетъ оно горный воздухъ познанія и дѣлается единицъ со всѣмъ міромъ? Тѣ „прекрасныя, чистыя, отрѣшенныя отъ всего земного и какъ бы сотканные изъ запаха цвѣтовъ и лунного свѣта грезы любви, которыми теперь туманятся дни юности и которыхъ воспѣваются всѣми поэтами у всѣхъ образованныхъ народовъ“—развѣ грезы эти порождены не платонизмомъ? И развѣ „идеи“, „сущности“, „понятія“, „монады“, „личности“, которыми живеть и движется философія,—не въ кровномъ родствѣ съ учениемъ Платона? Идеализмъ,—въ широкомъ смыслѣ слова,—стихія философіи, и, лишенная этого кислорода, философія задыхается, а затѣмъ увядаетъ и гибнетъ. Европейская философія вышла изъ рукъ Платона.

Но откуда самъ онъ взялъ свою мысль объ эросѣ, какъ познавательномъ началѣ философії? Откуда явилось у него представление о непосредственномъ касаніи къ самой сути вещей, къ ихъ таинственной душѣ? Какъ возникло это почти безграничное отождествленіе слова и мысли (*Soph* 263 *e*; *Phäd* 99 *D, E*)? Какъ мѣstemъ путемъ пришелъ Платонъ къ своему царству во-истину-сущихъ, неизмѣняемыхъ, имматеріальныхъ, самихъ по себѣ прекрасныхъ, вѣчныхъ, находящихся въ „умномъ мѣстѣ“ образовъ сущаго, познавая которые въ эросѣ мы владѣемъ ключемъ къ отверзенію всѣхъ тайнъ міра? И почему съдою древностию вѣтъ отъ этихъ концепцій философа? Почему онъ всегда современны? Это—темные вопросы. Но, кажется, менѣе всего справедливо обычное объясненіе, видящее въ платоновскихъ „идеяхъ“ „постазированныя „понятія“ Сократа. „Сократъ, моль, училъ о родовыхъ понятіяхъ; а Платонъ взялъ да превратилъ ихъ въ метафизическая „сущность“. Какъ это просто!—и какъ это нелѣпо психологически!

Глубоко-уважаемые слушатели! Не стану излагать платоновскаго ученія: Вы и безъ меня знаете его. Но мнѣ кажется умѣстнымъ исполнить сыновній долгъ дальше,—глубже проникнуть въ „книгу родовъ“ нашей Школы. При этомъ я надѣюсь показать Вамъ корни платонизма, которыми онъ привлекаетъ къ себѣ почвенную влагу обще-человѣческихъ вѣ-

рованій. Въ этой почвенности платонизма, мнѣ кажется и завита причина его вѣчности. Вѣдь Платонъ—не плодъ школьной философіи, а цвѣтокъ народной души, и краски его не поблекнутъ, доколѣ будетъ жить эта душа.

Вопросомъ „Откуда происходитъ платонизмъ“ спрашивается вовсе не то, каковы историческая вліянія и связи, обусловившія возникновеніе его. Выяснить исторической вліянія въ большинствѣ случаевъ дѣло столь безнадежно темное, что дѣлается оно посредствомъ многихъ насилий надъ исторіей. Но есть и иной смыслъ вопроса „откуда?“, а именно: „Изъ какихъ данныхъ сознанія? Гдѣ эти данные проявили себя въ своей первичной грубости? Гдѣ они болѣе ярки?“.

Если Вы согласитесь на такую постановку вопроса, то отвѣтъ мой кратокъ и простъ. „Магія“—вотъ то единственное слово, которое рѣшаеть платоновскій вопросъ. Или, если хотите болѣе современного слова, то это будетъ „оккультизмъ“. Но не думайте, что я хочу говорить вамъ о чертяхъ или вѣдьмахъ. Меня, какъ историка, вопросъ о ихъ реальности нисколько не касается. Пусть нѣтъ лѣшихъ и русалокъ;—но есть воспріятіе ихъ. Пусть нѣтъ власти заклятий и заговоровъ;—но есть вѣра въ нее. Какъ мнѣ, такъ и Вамъ, данъ фактъ—міро-ощущеніе и міро-воззрѣніе мага. Этимъ-то фактомъ мы и обязаны заняться. Однако я не могу сейчасъ доказывать строго свой тезисъ о происхожденіи платонизма изъ магического міро-воззрѣнія непосредственнаго сознанія: это требуетъ цѣлаго изслѣдованія. Но я позволю себѣ уяснить свой тезисъ на нѣкоторыхъ фактахъ, и возьму при этомъ факты болѣе знакомые всѣмъ вамъ,—преимущественно изъ области русскаго фольклора.

Дѣло психологовъ рѣшить, міро-воззрѣніе ли мѣняется отъ измѣненій въ міро-ощущеніи, или, напротивъ, само міро-ощущеніе есть лишь производное отъ міро-воззрѣнія. Несомнѣнно то, что существуетъ функциональное соотвѣтствіе между идеями и внутреннею жизнью,—между міро-воззрѣніемъ и міро-ощущеніемъ. Поэтому, чтобы понять внутреннюю жизнь древняго человѣка, чтобы проникнуть въ непосредственное міро-воспріятіе крестьянина, необходимо отрѣшиться отъ интеллигентскихъ взглядовъ, забыть о нихъ и, съ чистымъ сердцемъ, не очерствѣльмъ отъ предвзятыхъ схемъ и безчисленныхъ научныхъ теорій, всмотрѣться въ

этотъ новый душевный міръ. Для того же, кто не живеть или не можетъ жить этою цѣльною жизнью, ключъ къ народному міро-созерцанію утерянъ навсегда. Понимать чужую душу—это значитъ перевоплощаться. Быть можетъ, самымъ близкимъ къ народному сознанію является моментъ геніального озаренія поэта, когда снимаются грани мірового обосо-бленія, когда онъ слышитъ

и долией розы прозябанье,
и горнихъ ангеловъ полетъ.

И напротивъ, нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ народнаго, непосредственнаго сознанія, какъ тотъ духовный атомизмъ, который, какъ ракъ, изъѣлъ и мертвить современную душу. Возьмите для примѣра ближайшую къ намъ область,—науку. Идеалъ цѣльного знанія, столь ясно начертанный Платономъ, пересталъ вести науку даже въ качествѣ кантовской регулятивной идеи. Не Наукою, а науками, и даже не науками, а дисциплинами занято человѣчество. Случайные вопросы, какъ внущенное представлениѳ, вѣдываются въ сознаніе и, поработленное своими же порожденіями, оно теряетъ связь со всѣмъ міромъ. Специализація, монодиизмъ,—губительная болѣзнь вѣка,—требуетъ себѣ больше жертвъ, нежели чума, холера и моровая язва. Нѣтъ даже специалистовъ по наукамъ: одинъ знаетъ эллиптические интегралы, другой—рататорій, третій—химію какого-нибудь под-вида бѣлковъ и т. д.

Но еще замѣтнѣе это разъѣдающее дѣйствіе душевнаго атомизма на другихъ областяхъ. Для многихъ ли природа не разлагается на ничѣмъ не связанныя между собою землю, лѣсъ, поле, рѣку и т. д. Да и многіе ли за деревьями видятъ лѣсъ? Для многихъ ли „лѣсъ“ есть не только собирательное существительное и риторическое олицетвореніе, т. е. чистая фикція, а нѣчто единое, живое. Вы недоумѣваете на мой вопросъ? Но вѣдь реальное единство есть единство само-сознанія. Итакъ, спрашиваю, многіе ли признаютъ за лѣсомъ единство, т. е. живую душу лѣса, какъ цѣлаго, лѣсного, лѣсовика, лѣшаго? Согласны ли Вы признать русалокъ и водяныхъ—эти души водной стихіи?—Видите, какъ различна внутренняя жизнь.—Но оставимъ природу. Посмотрите, какъ распались начала внутренней жизни: святыня, красота, добро, польза не только не обра-

зуютъ единаго цѣлаго, но даже и въ мысляхъ не подлежать теперь слянію. Современная святыня робка и жмется въ затаенный, ни для чего болѣе не нужный уголокъ души. Красота бездѣйственна и мечтательна, добро ригористично, польза,—пресловутый кумиръ нашихъ дней,—нагла и жестока. Жизнь распылилась. Какой глубокій смыслъ въ томъ, что научная психологія—бездушная психологія: вѣдь и впрямь у людей нашего времени нѣтъ души, а вмѣсто нея—одинъ только психической потокъ, связка ассоціацій, психическая пыль. День мелькаетъ за днемъ, „дѣло“—за „дѣломъ“. Смѣняются психическая „состоянія“, но нѣтъ цѣльной жизни. Если у души отрицаютъ субстанціальность, то это—вовсе не выдумка психологовъ, а дѣйствительное само-познаніе, содержаніе котораго сводится къ тому, что не бываетъ переживанія себя, какъ субстанціи, при современномъ распадѣ души. Но взглядитесь въ душу народную, и вы увидите, что тамъ—совсѣмъ не такъ. Медлительно и важно течетъ жизнь,—широкая и свѣтлая и свѣжая, какъ Волга, напоенная закатнымъ блескомъ и вечерьюющею прохладою,— и отдѣльные струи ея, сплетаясь межъ собою, дружно текутъ и сливаются во-едино. Тутъ цѣленъ человѣкъ. Польза не есть только польза, но она —и добро; она и прекрасна, она и свята. Возьмите народную жизнь, хотя бы причитаніе надъ покойникомъ. Тутъ—и польза, и добро, и святыня, и слезная красота. Теперь сопоставьте съ этимъ причитаніемъ интеллигентскій концертъ, и Вы сами почувствуете, какъ онъ бѣденъ содержаніемъ. Знаніе крестьянина,—цѣльное, органически-слитное, нужное ему знаніе, выросшее изъ души его; интеллигентное же знаніе—раздробленно, по большей части органически вовсе не нужно ему, вѣшне взято имъ на себя. Онь,—какъ навьюченны йскотъ,—несетъ бремя своего знанія. И все, и все—такъ, въ особенности же—языкъ.

Народъ живеть цѣльною, содержательною жизнью. Какъ нѣтъ тутъ непроницаемости, непроходимой стѣны изъ „вѣжливости“ между отдѣльными личностями, такъ и съ природою крестьянинъ живеть одною жизнью, какъ сынъ съ матерью, и эти отношенія его къ природѣ тѣ—любовны, нѣжны и проникновенны, тѣ—исполнены странной жути, смятенья и ужаса, порою же—властны и своевольны. То подчиняясь природѣ, то подчиняя ее самъ, или же сожительствуя ей,

какъ равный равной, онъ, однако, всегда открытыми глазами смотрить на всю тварь, дышать съ нею однимъ воздухомъ, грѣется однимъ солнышкомъ. Это— не сентиментальное воздыханіе по природѣ. Нѣть, это—на дѣлѣ жизнь съ нею,—жизнь, въ которой столько черной работы и житейской грубости, и которая, тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ своей, всегда носитъ сосредоточенность и подлинную любовь. И потому, даже будничная жизнь,—среднихъ людей, проникнута какимъ-то непередаваемымъ трепетомъ поэзіи и сердечности. Возьмите любой Травникъ или Лечебникъ,—книгу, повидимому, чисто-утилитарную,— и сравните описание ея съ описаниями ботаника. Вы не сможете не поразиться тою нѣжностью, тою любовностью, съ какою говоритъ о травахъ народная фармаконея. Есть трава „тихоня“, говорится въ бѣло-русскомъ Травникѣ; „растетъ окала зелени, листички маленькия, маленькия рядышкомъ, рядышкомъ, твяточкѣ сининьки. Растетъ окала земли, стелитца у разныи стороны“.—Или послушайте благоговѣйное описание простого одувачника (мы, быть можетъ, и не замѣтили бы его!), какъ хрупкаго, живого и дорогого намъ существа: „Трава вездѣ растетъ по пожнямъ и по межнинкамъ и по протокамъ; листы разстилаются по землѣ. Кругомъ листиковъ рубежки, а изъ нея на серединѣ стволикъ, тоцій, прекрасенъ, а цвѣтъ у него желтъ: а какъ отцвѣтъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки; а въ корнѣ на листу и въ стволикѣ, какъ сорвешь, въ нихъ бѣленко“.

Травы, птицы, деревья, насѣкомыя, всякия растенія, всякия животныя, земля, вода,—каждая стихія вызываетъ къ себѣ непонятное, благоуханное сочувствіе. „Плевать въ воду— все равно, что матери въ глаза“. Зорить гнѣзда вообще не хорошо; обижать же безвредныхъ птицъ—тяжкій грѣхъ. Грача жалко убивать, потомучто де очень ужъ онъ смиренъ: скворчика жалѣютъ за его пѣніе. „Надѣ воробьемъ жалимся,—говорятъ крестьяне,— что близокъ къ намъ“. Собаки тоже не бей: и она была человѣкомъ, да обращена въ собаку за прожорливость. На что ужъ лягушка противна, а бить ее—грѣхъ. Мало того. Въ праздникъ Благовѣщенія покупаютъ нѣвчихъ птицъ и выпускаютъ ихъ изъ клѣтокъ, вѣруя, что онѣ замолятъ у Бога нѣсколько грѣховъ своему освободителю.

Бывають среди крестьянъ особенно жалостливые ко всему живому. Вспоминается одна женка: пойдеть, бывало, мимо голубей—ей не утерпѣть, чтобы не вынести имъ горстки ишеницы. Всегда, сама не съѣсть, а животныхъ накормить: прилучила къ себѣ собакъ, куръ и кошекъ съ сосѣднихъ дворовъ.

Народъ видѣлъ и, нерѣдко, видѣть ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. „Есть трава именемъ Архангелъ,—говоритъ Травникъ,— собою мала, на сторонахъ по девять листовъ, тонка въ стрѣлки, четыре цвѣта: червленъ, зелень, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рвать на Иванъ-день сквозь златую или серебряную гривну и та трава носить, и тотъ человѣкъ не боиться дьявола ни въ ночь, ни злого человѣка“. Голуби называются „Ангелами Божіими“; это—святая птица, убивать ее—великий грѣхъ. Пчела—„Божія угодница“,—„Божія скотинка“. Она—символъ чистоты и водится только у людей праведныхъ и честоплотныхъ, мирно живущихъ со своею семьею; известно, что „пчела жалитъ только грѣшника“. А въ костромской губерніи и дѣтей научаиваютъ: „Если Божія коровка (вслушайтесь въ самое название маленькаго жучка!)—если Божія коровка сядетъ на ручку, то ее не гони и не обижай, а подыми ручку пальчикомъ вверхъ и пришѣтай:

„Божія коровка,
улетай на небо:
тамъ тепленько,
здесь холоденько“,

и тогда она раскроетъ крыльшки и улетитъ“.

Какая неизрѣдимая прощать отдѣляеть это благоговѣніе предъ всѣмъ и гадливость ко всему, — гадливость, которая такъ трудно отдѣлима отъ интеллигентности!

Вся природа одушевлена, вся—жива,—въ цѣломъ и въ частяхъ. Все связано тайными узами между собою, все дышитъ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Враждебныя и благотворныя воздѣйствія идутъ со всѣхъ сторонъ. Ничто не безздѣйственно: но, однако, всѣ дѣйствія и взаимо-дѣйствія вещей-существъ душъ имѣютъ въ основѣ — родъ телепатіи, изнутри-дѣйствующее, симпатическое средство. Энергіи вещей втекаютъ въ другія вещи, и каждая живеть во всѣхъ, и всѣ—въ каждой. Постушайте, какъ крестьянинъ разговариваетъ со скотиною, съ деревомъ, съ вещью, со всею природою: Онъ ласкаетъ, проситъ,

умоляеть, ругаетъ, проклинаетъ, бесѣдуетъ съ нею, возмущается ею и, порою, ненавидитъ. Онъ живеть съ природою въ тѣсномъ союзѣ, борется съ нею и смиряется предъ нею. Какая-нибудь былинка—не просто былинка, но что-то безмѣрно болѣе значительное, — особый міръ. И міръ этотъ глядѣть на другіе міры глубокими, завораживающими очами. Всѣ вещи взираютъ другъ на друга, тысяче-краты отражаютъ другъ друга. Всѣ вещи—центры исходящихъ тайныхъ силъ. Пересякаясь, сплетаясь, запутываясь, эти черные лучи, эти нити судебъ вяжутъ узлы—новые центры—, какъ бы новые много-различныя манифестаціи природы, — то являющіяся, то исчезающія, то попадающія въ поле зрѣнія повседневнаго, то заволакивающіяся отъ солнечнаго свѣта туманною дымкою, или исчезающія въ густой, какъ смола, тьмѣ ночи. Это—безчисленныя существа,—лѣсовыя, полевые, домовыя, под-овинники, сарайники, русалки, шишиги или кикиморы и т. д. и т. д.,—двойники вещей, мѣстъ и стихій, воплощенные и бесплотныя, добрыя и злые пуміна ихъ. Это,—предвосхищу дальнѣйшее,—постасныя имена вещей, пуміна ихъ. Это—знакенія судебъ ихъ, оміна ихъ. Это—*Nimina-Nomina-Omnia regum*. Но, прежде всего, это—живыя существа. Они покровительствуютъ человѣку и враждуютъ съ нимъ. Они тѣ возвращаются въ порождающія ихъ стихіи, растворяясь въ нихъ, и обезличиваются до простыхъ поэтическихъ олицетвореній этой стихіи, тѣ снова выступаютъ изъ нихъ, снова надѣваютъ личину самостоятельности, говорятъ какими-то особыми, но порою человѣку понятными голосами,—, быть можетъ, беззвучными телепатическими внушеніями, прямо въ душу,—, требуютъ себѣ пищи, вершать житейскія дѣла, женятся и носягаютъ, ъдятъ, пьютъ, спятъ, ссорятся, дерутся, хоочутъ и плачутъ, радуются и печалятся, болѣютъ и умираютъ. Какъ по стѣнамъ невѣрнаго тѣни угасающей лучины, мелькаютъ эти души и двойники вещей, мѣняются видомъ, выступаютъ изъ мрака и снова уходятъ, выростаютъ и уменьшаются, дѣлаются отчетливыми и расплываются. Кажется, вотъ-вотъ сможешь запечатлѣть ихъ взглядомъ! Не нѣтъ! Они растаяли, и осталось обычное, обиходное, дневное. Отвернулся,—и снова они тутъ, прихотливые трелюдники, чудные проказники. Никто не можетъ точно описать ихъ, никто отвѣтчиво не знаетъ, какія у нихъ лица; а иногда

они кажутся и вовсе безликими: у нихъ вмѣсто лицъ—зіяющая бездонность Ночи. Вся дѣйствительность переливается странными, фосфоресцирующими свѣтами,—углубляется новою, интеллигенту невѣдомою свѣтотѣнью. Каждая вещь порою дѣлается болѣе, нежели она есть грубо-эмпирически. Отъ всего ждешь диковинъ. И ничего нельзѧ закрѣпить, утвердить окончательно. Миръ этотъ есть всегда текущее, всегда бывающее, всегда дрожащее полу-бытие, и за нимъ, за его,—какъ воздухъ надъ землею въ жаркій полдень—, дрожащими и колеблющимися и размытыми очертаніями чуткое око прозрываетъ иную дѣйствительность.

Вотъ, вѣтръ кружится вдоль по дорогѣ, завивая снѣжные или пыльные столбы. Но это—не просто вѣтеръ. Это—вѣдьма празднуетъ свою нечистую свадьбу съ чортомъ. И въ этомъ легко убѣдиться. Брось ножъ въ этотъ вихорь;—ты увидишь, какъ его втянетъ туда, понесетъ, а потомъ онъ упадетъ, окровавленный нечистою кровью. „Окровавленный вихремъ“ ножъ—не просто ножъ. Имъ можно вырѣзывать слѣды, оттавленные молодицей на снѣгу, можно творить иныя неподобныя чары. Или еще: Надъ крышею вдовьяго дома разсыпалась золотымъ дождемъ огненныя искры. Но это—такъ же не простыя искры, какъ не простымъ былъ золотой потокъ, одождившій Данаю. Искры эти—змѣй-летунъ, оборачивающійся въ избѣ покойнымъ мужемъ хохайки, вступающей съ нею въ плотскую связь и доставляющей ей деньги; отъ этого сочетанія женщины съ нездѣшнею силою рождается,—ужъ конечно!—, уродина, звѣро-образный ребенокъ, имѣющій какую-нибудь часть тѣла звѣриную. Да и одно ли только это?

Все,—все, что ни видитъ взоръ,—все имѣть свое тайное значеніе, двойное существованіе и иную, за-эмпирическую сущность. Все причастно иному миру; во всемъ иной миръ отображаетъ свой оттискъ.

О. Кристофоро Борри сообщаетъ про кохинхияцевъ, какъ миссионеры хотѣли возразить имъ противъ ихъ потчivanія предковъ жертвами, указывая на тождественность мяса до и послѣ акта жертво-приношенія, но были посрамлены глубоко-мысленнымъ указаніемъ, что духи берутъ себѣ невидимую сущность мяса, а видимое вещество оставляютъ своимъ поклонникамъ. Это воззрѣніе на двойственную природу всего въ мірѣ—воззрѣніе все-человѣческое. Какъ каменный хрящъ известковымъ

растворомъ, весь быть пропитанъ и скрѣпленъ потустороннимъ. Нѣтъ просто ъды, просто болѣзни, просто одежды, просто огня, просто жилья. Все—просто, и—не просто; все житейско, и—не житейско. Океанъ невѣдомаго бьетъ волнами въ обиходѣ. Человѣкъ пускаеть длинные корни въ иныя почвы, нежели эта почва. Воспріимчивость его обостряется, душа его становится чуткою и вѣщую, примѣчающу то,

что для другихъ неуловимо,

чего не замѣчаетъ разслабленная рефлексіей душа. Таинственное вростаетъ въ обиходѣ, обиходъ дѣлается частью таинственного.

Нездѣшняя сила срастворяется съ шелестами и шорохами ночи, съ воемъ вѣтра, съ гудѣніемъ лѣса, съ крикомъ ночныхъ птицъ, съ жизнью всей природы. Идешь ты вечеромъ надъ рѣкою: всплеснулась рыба; зашелестѣлъ дрездѣльникъ, зашумѣло что-то въ хвоцахъ; выхухоль бросился въ воду,—ну, совсѣмъ какъ мужикъ. Но ты напрасно успокаиваешь себя. Такъ и знай, что не спроста екнуло у тебя сердце: вѣдь это, конечно, дѣдушка-водяной „мыряется“ въ черной влагѣ.—Или, вотъ, въ лѣсу заржало, заухало, захоктало,—да таکъ, что листъ съ дерева посыпался. А то,—бываетъ,—ровно ребенокъ жалобно заплачетъ и застонетъ кто-то въ лѣсу, завижить и снова расхохочется. Или, еще,—тѣплаина разложена средь чащи, и сидить подлѣ тѣплаины той мужичина такой. Какъ схватить рукою всю теплицу,—кусть мужжаковый горящій,— да станетъ бѣгать по лѣсу! Ну, натерпишься тогда страху. Что жъ? неужто ты усумнишься и п не подумаешь на лѣсного? Попробуй скрикнуть пошибче. Если крикъ твой отдастся, то такъ и знай, что это: либо чортъ аукается, либо откликается какой лѣсовой, полевой или рѣшной.

Воровскою тѣнью таинственная сила проскальзываеть за обыкновеннымъ, прикрывается повседневнымъ, стелется вдоль по естественному. Ея и не примѣтишь сперва, и только сердце вѣщунъ,—„почему-то“!—застучить сильнѣе. И молитвы „они“ не боятся: вѣдь они—не то, что черти,—не злая сила. Молитва имъ ни почемъ. Боятся же они лишь скверныхъ черныхъ ругательствъ,—чертыханія да матерняго слова. Притаившись за здѣшнимъ, иная сила порою, какъ бы невзначай, кажеть себя;—встанетъ вдругъ, вытянется во весь ротъ, гаркнетъ:

„Вотъ я!“, а потомъ снова скоронится непримѣтно, и только сердцу будеть словно не по себѣ.

Однако, у крестьянина, средняго, это міро-ощущеніе не развивается до конца. Есть множество тайнъ, которыхъ онъ принимаетъ по-просту, довѣрчиво, и мудро не любопытствуєть о нихъ далѣе, смиряется передъ невѣдомымъ, молчить, или отвѣчаетъ случайно-подвернувшимися миѳами. Этихъ *legendes des origines*—великое множество, но всѣ они, по своей наивной символичности, представляютъ выразительное противорѣчіе съ глубокими переживаніями и наблюденіями тѣхъ же людей въ другихъ областяхъ. Отчего появились кочки?—„Чортъ блѣвалъ“. Откуда произошла нечистая сила?—„Адамъ народилъ много дѣтей и постыдился показать ихъ Богу. Тогда они и обратились въ нечистую силу“.

Откуда взялись лягушки?—„Родители прокляли своихъ дѣтей „за благость“, т. е. за крикъ;—проклятые и сдѣлались лягушками“. И такъ далѣе—безъ конца. Киты, на которыхъ стоитъ земля, звѣрь Индрикъ, великорыбіе—огнеродный змѣй Елеафалтъ, Стратимъ-тициа, баснословный Китоврасъ и др.—тутъ мы имѣемъ дѣло, конечно, не съ чѣмъ инымъ, какъ съ Кантовскими „предѣльными понятіями“, съ „вещами въ себѣ“, о коихъ не должно спрашивать, но въ существованіи которыхъ невозможно сомнѣваться. Однако, эти *Grenzbegriffe* необходимо разлагаются, лишь только мы начинаемъ анализировать ихъ. Невѣдомое нисколько не томитъ средняго крестьянина, да, можетъ быть, эта уравновѣшанность и болѣе мудра, нежели страдальческая пытливость и фаустовскіе порывы.

Вѣдь мы осуждаемъ жадность въ пищѣ. Но почему же, въ такомъ случаѣ, необузданное удовлетвореніе другой естественной потребности—познанія—не считается порокомъ? Обуздывать жадность въ познаніи есть такая же добродѣтель, какъ полагать предѣль похотямъ илоти.

Но есть и среди крестьянъ отдѣльные люди, которымъ вѣдомо и недовѣдомое. Они—вѣдуны и вѣдуньи, вѣдьмаки и вѣдьмы, ибо они вѣдаютъ по преимуществу; они знахары и знахарки ибо они знаютъ по преимуществу. Одни изъ нихъ такъ и отродились, нарочито отзывчивые на каждую вибрацію міра; другіе достигли вѣдѣнія посредствомъ внутренней аскезы или благочестія и созерцатель-

ной жизни. Третыи вступили въ союзъ съ темною силою, поработились нечисти, подталкиваемые несчастіями, гнѣвомъ, или страстью. Одни пользуются своимъ вѣдѣніемъ во благо, другіе во зло. Но всѣ они, добрые и злые, прирожденные и выученные, переживаютъ такія времена, когда видять, слышать и всячески воспринимаютъ то, что незримо и непостижимо всѣмъ прочимъ. Всѣ они живутъ двойною жизнью. Предъ всѣми ними отверзаются настежь двери потусторонняго. Всю силу своей воли сосредоточивая на одномъ желаніи, заклинатель наполняется этимъ желаніемъ, самъ становится воплощеніемъ единаго акта воли. „Воля къ дѣйствію“ отдѣляется отъ него, выходитъ за предѣлы его ограниченности, вступаетъ въ активное взаимо-дѣйствіе съ волями природныхъ вещей-существъ. Она—дѣйственный духъ среди другихъ духовъ, центръ мистическихъ силъ среди другихъ центровъ. Онъ борется съ природою и вступаетъ съ нею въ союзъ; побѣждаетъ ее и бываетъ побѣждаемъ. Онъ—уже не человѣкъ, не просто субъектъ, для которого міръ есть просто объектъ. Нѣтъ тутъ ни субъекта, ни объекта. Теряется это различеніе въ дружественномъ или враждебномъ слитіи со природою, въ этомъ объятіи или въ этой схваткѣ съ тайными силами. Онъ—часть природы; она — часть его. Онъ вступаетъ въ бракъ съ природой, и тутъ—намекъ на тѣснѣйшую связь и почти нераэдѣлимую слиянность между оккультными силами и метафизическими корнемъ пола. Двоє становятся однимъ. Мысли мага сами собою вливаются въ слова. Его слова—уже начинающіяся дѣйствія. Мысль и слово, слово и дѣло—нераздѣльны,—одно и то же, тожественны. Дѣло рождается само собою, какъ плодъ этого брачнаго смышенія кудесника и природы. Вѣдь даже въ обычномъ, „дневномъ“ сознаніи нельзя только мыслить, нельзя мыслить безъ словъ. Мысль сама собою заставляетъ извѣстнымъ образомъ напрягаться наши голосовые связки, сама собою заставляетъ насъ внутренне произносить мыслимое слово. Мыслить,—по выраженію полинезійцевъ, рьяно защищаемому М. Мюллеромъ,— это значитъ „говорить въ животѣ“, т. е. беззвучно артикулировать. Стоить немногого забыться, и вы будете произносить вслухъ; ваша артикуляція выявится въ звукѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль есть и начало дѣйствія. Когда вы обдумываете что-нибудь, вы неиз-

бѣжно готовитесь начать рядъ дѣйствій, такъ или иначе напрягаете мышцы. Чѣмъ напряженѣе желаніе, чѣмъ не-посредственнѣе сознаніе, тѣмъ ближе другъ къ другу мысли, слово и дѣло. Въ экстазѣ магического творчества, упоеніи миро-творческою властью нѣтъ границы между ними. Одно есть другое. Огненною лавою течеть изъ устья заклинаніе и, ударяясь о вещи, плавитъ ихъ и отливаетъ въ новые формы, даваемыя кудесникомъ. Кто имѣлъ дѣло съ гипнозомъ, тотъ хорошо знаетъ это состояніе, когда слово, даже желаніе, осуществляется безъ промежуточныхъ звеньевъ; но еще лучше знаетъ его тотъ, кто дѣлалъ опытъ съ движениемъ тѣла по приказу словесному или мысленному, когда нечеловѣческое „да будетъ“ претворяется дѣйствительность. когда

mens agitat molem;

и тотъ пойметъ, что активность кудесника — это нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ иное, нежели обычное, пассивное воспріятіе міра.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Павелъ Флоренскій.
